

Глава 1

Общество риска

Франклин Делано Рузвельт знал кое-что о страхе. Когда он произносил слова присяги, после которой официально стал 32-м президентом США, плотный и серый, как туман, страх висел над Вашингтоном. Это был разгар Великой депрессии. Банки терпели крах один за другим, словно демонстрируя эффект домино. Уровень промышленного производства в США упал больше чем в два раза. Цены на сельхозпродукцию рухнули. Каждый четвертый потерял работу. Два миллиона американцев стали бездомными.

В подобной ситуации заботу о стране возложили на плечи частично парализованного человека, который чудом остался жив после совершенного на него за месяц до этого покушения. Вполне понятно, почему Элеонор Рузвельт описывала инаугурацию своего мужа как «жуткое зрелище».

В своей первой речи в качестве президента Рузвельт говорил о преобладающих в обществе настроениях: «Я уверен, что мои дорогие соотечественники американцы ждут, что, вступая в должность президента, я обращусь к ним с прямоотой и решимостью, как того требует положение, в котором находится наша страна. Самое время говорить правду, всю правду, открыто и смело. И нам нет нужды уклоняться от честного взгляда на ситуацию. Эта великая страна выстоит, как это бывало и прежде, возродится и расцветет. Поэтому первым делом разрешите мне высказать твердое убеждение, что единственное, чего нам следует бояться, это страха — отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для преобразования отступления в наступление».

Разумеется, Рузвельт знал, что помимо самого страха есть множество вещей, которых следует бояться. Знал он и о том, что каким бы серьезным ни было положение дел в стране, «неоправданный ужас» лишь усугубит ситуацию, если разрушит веру в демократические ценности. Великая депрессия могла нанести вред. Страх мог ее уничтожить.

Мысль, высказанная Рузвельтом, была старше, чем государство. Он позаимствовал ее у Генри Торо*, который, в свою очередь, процитировал французского философа Мишеля Монтеня, написавшего более трех с половиной веков назад: «Больше всего я боюсь собственного страха».

* Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, аболиционист. *Прим. перев.*

Страх может быть конструктивной эмоцией. Когда мы боимся риска, мы уделяем своему занятию больше внимания. Страх помогает нам оставаться в живых и добиваться успеха. Не будет преувеличением сказать, что именно страху человечество обязано своим существованием. Однако «неоправданный ужас» — это совсем другое дело. Неоправданный ужас мог смести США с политической карты мира во время Великой депрессии. Неоправданный ужас убил 1595 человек, убедив их пересесть в автомобили вместо самолетов после атак 11 сентября. Рост неоправданного ужаса во всех современных странах западного мира заставляет нас принимать все более нерациональные решения по проблемам, с которыми мы сталкиваемся повседневно.

Риск и страх — популярные темы для обсуждения у социологов, которые пришли к согласию, что у современных людей уровень тревоги гораздо выше, чем у предыдущих поколений. По некоторым утверждениям, нашему обществу свойственна «культура страха». Терроризм, киберугрозы, птичий грипп, ГМО, зараженные продукты питания — новые угрозы вылезают как поганки. Изменение климата, канцерогены, «эпидемия ожирения», пестициды, вирус лихорадки Западного Нила, тяжелый острый респираторный синдром (SARS). Список можно продолжать еще долго. Просто возьмите свежую газету или посмотрите выпуск новостей. Каждый день можно увидеть чье-то предупреждение — журналиста, эксперта, консультанта, топ-менеджера компании или политика — о скорой «эпидемии» того или иного, что угрожает вашей жизни и жизни ваших близких.

Периодически эти страхи выливаются в полномасштабную панику. Сегодня это охота за педофилами в парках и интернет-чатах. В 1990-х — агрессивное поведение на дорогах. Еще десятилетием ранее — герпес. Сатанинские культы, коровье бешенство, стрельба в школах — все эти темы в какой-то момент волновали общество и были у всех на устах, а потом о них так же быстро забывали. Некоторые из них поднимают время от времени. Некоторые перешли в разряд не таких важных и больше не вызывают оживленных обсуждений. Прощай, герпес.

Ежедневные новости пестрят подобными темами. Авторы, общественные активисты, консультанты и футурологи постоянно предупреждают нас о таких экзотических угрозах, на фоне которых многочисленные сценарии ядерного Армагеддона меркнут и кажутся примитивными. Генетически усиленное биооружие, самовоспроизводящиеся нанотехнологии, превращающие все на своем пути в «серую массу», жуткие физические эксперименты по созданию черной дыры, которая поглотит планету и все живое. «Проблема 2000» оказалась бурей в стакане воды, но это не остановило появление новых многочисленных теорий гибели человечества, которые плодятся так быстро, что мы почти свыклись с мыслью, что человечеству повезет, если оно переживет следующее столетие.

Ульрих Бек не так пессимистичен. Немецкий социолог и профессор Лондонской школы экономики всего лишь заявил газете Guardian, что считает «маловероятным», что человечеству удастся выжить «после XXI века,

не вернувшись вновь к варварству». Мнение Бека считается авторитетным, так как он был одним из первых ученых, кто осознал, что современный социум становится «обществом риска». В 1986 году он ввел понятие «общество риска» для описания общества, излишне озабоченного разного рода рисками, особенно связанными с развитием технологий.

Но чего же мы все так боимся? Это действительно сложный вопрос. Разумеется, терроризм — это вполне реальный риск. Так же как и изменение климата, птичий грипп, рак груди, похищение детей и все остальные вопросы, по поводу которых мы коллективно заламываем руки. Но человечеству постоянно что-то угрожает — не одно, так другое. Почему мы должны переживать больше предыдущих поколений?

По мнению Ульриха Бека, ответ очевиден: мы боимся больше других поколений, потому что больше сталкиваемся с рисками. Развитие технологий опережает нашу способность держать их под контролем. Экологические проблемы становятся все серьезнее. Социальное давление растет. Перед нами маячит угроза глобального катаклизма, и люди ощущают опасность, словно олени, почуявшие запах приближающихся волков.

У Бека много сторонников. Составление прогнозов — один страшнее другого — давно стало чем-то вроде настольной игры для интеллектуалов. Самые амбициозные из них превращают свои мрачные фантазии в бестселлеры. Вот только если бы эти авторы меньше воображали будущее и больше думали о прошлом, они бы осознали: что-то *всегда* может пойти не так, а считать, что потенциальные катастрофы, с которыми мы можем столкнуться сегодня, более страшные и невероятные, чем те, с которыми нам приходилось иметь дело в прошлом, это признак невежества и высокомерия. Если проявить чуть больше внимания к истории человечества, становится очевидным, что всегда находились люди, пророчившие скорый Страшный суд, при этом способность предвидеть будущее у них была не больше, чем у трех слепых мышат из детского стишка.

Кроме того, есть факты, которые говорят сами за себя. В следующий раз, когда кто-то с уверенностью заявит о скором падении небес на землю, подумайте вот о чем.

В Великобритании ожидаемая продолжительность жизни младенца, родившегося в 1900 году, составляла 46 лет. Его внук или внучка, родившиеся в 1980 году, могут рассчитывать в среднем уже на 74 года. А его праправнук, родившийся в 2003 году, в среднем должен прожить почти восемь десятилетий.

То же справедливо и для всех остальных западных стран. В США ожидаемая продолжительность жизни составляла 59 лет в 1930 году, а в 2000-м достигла уже 78 лет. В Канаде ожидаемая продолжительность жизни сегодня превышает 80 лет.

На протяжении всей истории человеческого вида рождение ребенка всегда было одной из самых опасных вещей для жизни и здоровья женщины. В большинстве стран развивающегося мира этот риск велик и сегодня: материнская смертность составляет 440 женщин на каждые 100 тысяч новорожденных.

Однако в развитых странах аналогичный показатель равен всего 20, и для нас рождение и смерть больше не ходят рука об руку.

То же относится к детской смертности. Еще сравнительно недавно риск потерять ребенка в младенчестве был не таким уж редким, сегодня шансы, что малыш благополучно задует свечи на торте в честь своего пятилетия, несравнимо высоки. В Великобритании в 1900 году доля младенческой и детской смертности составляла 14%, к 1997 году этот показатель снизился до 0,58%. С 1970 года в США уровень детской смертности в возрасте до пяти лет упал на две трети, в Германии — на три четвертых.

Мы не просто стали жить дольше. Мы стали жить лучше. По результатам исследований, проводившихся в Европе и США, сегодня меньше людей страдают от хронических заболеваний сердца и легких, от артрита, а у тех, у кого эти заболевания все-таки развиваются, это происходит на 10–25 лет позже и в менее серьезной форме. Кроме того, мы стали физически крупнее. Средний американец почти на 7,5 см выше и на 22 кг тяжелее, чем его предок сто лет назад. Так что реконструкторам Гражданской войны, которые используют исключительно аутентичные вещи, весьма непросто помещаться в армейских палатках. Мы становимся умнее: коэффициент IQ стабильно повышается на протяжении нескольких десятилетий.

Современное человечество прошло «эволюцию, которую можно назвать уникальной не только с точки зрения природы, но и тех семи тысяч поколений людей, которые когда-либо населяли Землю», — заявил газете *New York Times* лауреат Нобелевской премии экономист из Чикагского университета Роберт Фогель. Счастливая судьба людей, рожденных в наше время, а также надежда на большее нашли отражение в названии одной из его книг *The Escape From Hunger and Premature Death, 1700–2100* («Избавление от голода и преждевременной смертности, 1700–2100 гг.»).

Политические тенденции¹ тоже обнадеживают, несмотря на газетные заголовки. В 1950 году на политической карте мира было 22 страны с полностью демократическим строем. К концу века таких стран было уже 120, и почти две трети всего населения мира имеют право на голосование. Что касается массового кровопролития и хаоса, которые, по мнению некоторых, повсеместно набирают обороты, это просто не соответствует действительности. «Сегодня вероятность развязывания войны между странами, как и гражданской войны, самая низкая с 1960 года», — заявил газете *New York Times* Монти Маршалл из Университета Джорджа Мейсона в 2005 году. Результаты серьезного исследования центра *Human Security Centre* Университета Британской Колумбии², опубликованные чуть позже в том же году, подтвердили и дополнили это оптимистичное заявление.

Известно, что те из нас, кому посчастливилось жить в западных странах, — это самые процветающие и благополучные нации всех времен и народов. Мы даже испытываем чувство вины, говоря об этом и зная, что остальным не повезло в той же мере. При этом гораздо меньше известно, что развивающиеся страны тоже добились значительных улучшений.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

За два десятилетия после 1980 года число голодающих в развивающихся странах снизилось с 28 до 17%. Это все еще много, но лучше, чем было.

Кроме того, существует такой показатель, как Индекс человеческого развития ООН (ИЧР)*. Он, вероятно, лучше всего отражает уровень развития человечества, так как опирается на данные по уровню дохода, здоровья и грамотности. Последнюю строчку в списке ИЧР из 177 стран занимает африканское государство Нигер, и все же индекс Нигера в 2003 году был на 17% выше, чем в 1975-м. Аналогичная тенденция наблюдается практически во всех бедных странах. ИЧР Мали вырос на 31%, ИЧР Чада — на 22%. «Пророки Апокалипсиса» уже давно разыгрывают карту резкого роста населения бедных стран как потенциального источника будущей катастрофы. О чем они никогда не упоминают, так это, что рост населения обеспечивается не за счет увеличения рождаемости, а за счет улучшения ситуации с детской смертностью, что не может не радовать всех, кроме сварливых мальтузианцев**.

О чем говорят эти цифры? Если кратко: мы — поколение самых здоровых, богатых и долго живущих людей в истории человечества. И при этом с самым высоким уровнем страха и тревожности. Это один из самых серьезных парадоксов нашего времени.

Таким образом, многое из того, что мы думаем о риске и предпринимаем по этому поводу, лишено смысла. В научной работе, опубликованной в 1990 году, Джордж Лоуэнстейн и Джейн Матер (Jane Mather) сравнили уровень озабоченности людей девятью факторами риска — в их числе СПИД, уровень преступности и уровень подростковых самоубийств — с объективными оценками этих рисков. Результаты оказались непредсказуемыми. В одних случаях уровень озабоченности повышался и снижался, следуя за ростом или падением объективно существующего риска. В других — наблюдались «беспорядочные колебания» уровня озабоченности, которые не имели никакой связи с объективно существующим риском. Как корректно сформулировали авторы исследования: «Не было выявлено общеприменимой динамики взаимоотношений между воспринимаемым и фактическим риском».

Есть множество наглядных примеров, насколько запутанные и сложные у нас взаимоотношения с восприятием риска. Например, единственный серьезный фактор риска для развития рака груди — это возраст: чем старше женщина, тем он выше. В 2007 году исследователи из Оксфордского университета провели опрос среди британских женщин. На вопрос, в каком возрасте

* Индекс человеческого развития (ИЧР), до 2013 года — Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала. Индекс публикуется в рамках Программы развития ООН в ежегодных отчетах о развитии человеческого потенциала с 1990 года. *Прим. перев.*

** Последователи Томаса Мальтуса. Томас Мальтус (1766–1834) — английский священник и ученый, демограф и экономист, автор теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения должен привести к голоду на Земле. *Прим. перев.*

у женщин выше всего риск развития рака груди, больше половины опрошенных ответили, что «возраст не имеет значения». Каждая пятая опрошенная считала, что выше всего риск у женщин в возрасте старше 50 лет; 9,3% считали, что в возрасте старше 40 лет; 1,3% — что в возрасте старше 70 лет. Всего 0,7% всех опрошенных выбрали правильный ответ: «В возрасте старше 80 лет». Проблема рака груди служит серьезным источником для беспокойства и активно обсуждается в обществе по крайней мере с начала 1990-х. И все же результаты опроса показали, что подавляющее большинство женщин понятия не имеют о самом важном факторе риска. Как такое возможно?

В Европе число мобильных телефонов превышает численность населения³, и уровень продаж продолжает неуклонно расти. При этом, по результатам опроса, более половины европейцев склонны верить спорным заявлениям, что мобильные телефоны представляют серьезную угрозу для здоровья. Кроме того, существует разительный контраст между привычкой европейцев к курению и их неприятием продуктов питания, содержащих генетически модифицированные организмы. Несомненно, одна из самых больших загадок, на которую у науки нет ответа, как те же люди, которые не задумываясь зажигают сигарету, устраивают уличные протесты с требованием запретить продукты, которые за все время наблюдений не вызвали ни одной проблемы со здоровьем, кроме единственного случая расстройства желудка.

В Европе, как и везде, люди дрожат от страха при виде ядерного реактора, но равнодушно пожимают плечами и платят тысячи долларов за возможность улететь на какой-нибудь удаленный курорт, чтобы лежать на песочке и поглощать радиацию, излучаемую солнцем, несмотря на то что число жертв аварии на Чернобыльской АЭС (девять тысяч) не идет ни в какое сравнение с числом американцев, у которых ежегодно диагностируют рак кожи (более миллиона человек), и числом умерших от этого заболевания (более 10 тысяч человек).

Или сравните отношение к автогонкам и стероидам и другим формам допинга: за пять лет пилоты NASCAR попадали в аварии больше трех тысяч раз. Гибель Дейла Эрнхардта стала седьмым смертельным случаем за семь лет. Пилотам NASCAR официально разрешено подвергать себя такому риску, а зрители ходят на гонки всей семьей как на увеселительное мероприятие.

При этом одна из причин, по которой любые формы допинга запрещены в спорте, — это убеждение, что они настолько опасны, что даже атлеты, осознающие степень риска, не должны их употреблять. Однако во многих случаях сами виды спорта, в которых соревнуются атлеты, могут быть гораздо опаснее допинга. В лыжной акробатике — ограничимся одним примером — требуется, чтобы спортсмен на лыжах, разогнавшись и выпрыгнув с трамплина, выполнил в воздухе сложный акробатический прыжок, который может включать сальто, перевороты и другие элементы, а затем безопасно приземлился. Самая незначительная ошибка грозит закончиться падением и серьезными травмами, вплоть до сломанной шеи. Но лыжная акробатика не запрещена. Этот вид спорта у многих вызывает восхищение. Одним из героев Олимпийских

игр 2006 года стала канадская лыжница: за несколько месяцев до этого она сломала шею, но вышла на олимпийскую трассу с железной пластиной, на которой держался ее позвоночник, чтобы еще раз рискнуть остаться парализованной или вообще умереть. «Я бы предпочел, чтобы мой ребенок принимал анаболические стероиды и гормон роста, чем играл в регби, — заявил газете Financial Times британский ученый, занимающийся исследованием допинга. — Мне не известно ни об одном случае тетраплегии*, вызванной гормоном роста». Это также верно в отношении американского футбола — нашего национального вида спорта, в котором подростки время от времени сворачивают себе шеи, а звезды Национальной футбольной лиги превращаются в переломанных, трясущихся инвалидов средних лет.

Огнестрельное оружие приводит нас в ужас. А поездка на работу на автомобиле? Нет, это всего лишь скучная часть повседневной рутины. Стоит ли удивляться, что об убийствах с применением огнестрельного оружия трубят все СМИ, политики используют эту тему в своих предвыборных кампаниях, в то время как автомобильные аварии проходят неприятным фоновым шумом. При этом во всех странах, включая США, в автомобильных авариях гибнет гораздо больше людей, чем от огнестрельного оружия. В Канаде на каждого погибшего от огнестрельного ранения приходится 26 смертей в результате ДТП. Если вы не наркоторговец или не друг наркоторговца и не бываете в местах, где проводит время эта категория людей, то вероятность получить огнестрельное ранение у вас снижается почти до нуля, в отличие от риска погибнуть в автокатастрофе, которому подвержен любой севший за руль.

Поговорим о детях. Было время, когда считалось нормальным, что ребенок набивает шишки и набирается опыта. Это воспринималось как неотъемлемая часть взросления. Те времена давно прошли. Сейчас в учебных заведениях на дверях стоят решетки и вооруженный охранник на случай появления маньяка с оружием, а детей с самого первого дня в школе учат в любом незнакомце видеть потенциальную угрозу. С игровых площадок убрано все, на что можно вскарабкаться, подвижные игры без присмотра взрослых запрещены, чтобы никто из детей случайно не растянул лодыжку или не расквасил нос. Детям больше не разрешают одним играть на улице, как это делали все поколения до них, так как их родители убеждены, что за каждым кустом прячется по извращенцу — и ни одна статистика не убедит их в обратном. Детство все больше начинает напоминать тюремный приговор: почти ежеминутно дети находятся за закрытыми дверями, и каждое их движение — под наблюдением и контролем. Может, так они хотя бы в большей безопасности? Скорее всего, нет. Ожирение, диабет и другие проблемы со здоровьем, вызванные в том числе тем, что они проводят слишком много времени в помещении, представляют гораздо более серьезную опасность, чем дурные предчувствия, преследующие их родителей.

* Тетраплегия — паралич всех четырех конечностей, обычно при повреждении шейного отдела спинного мозга. *Прим. перев.*

И, разумеется, терроризм. Чума нашего века. С того ужасного сентябрьского дня борьба с терроризмом стала главным пунктом повестки дня американского правительства, и если брать шире, то и всего международного сообщества. По словам Джорджа Буша — младшего, на карту было поставлено выживание США как государства. Тони Блэр пошел еще дальше, заявив, что весь западный мир стоит перед лицом угрозы — «реальной и экзистенциальной».

И все же за последнее столетие в 20 террористических атаках погибло чуть больше сотни человек. Даже 11 сентября террористы лишили жизни меньше одной пятой от числа американцев, погибающих ежегодно от рук обычных преступников. Что касается сценариев конца света, которые настолько популярны в прессе, единственный раз, когда террористам действительно удалось получить и применить оружие массового поражения, стала атака с применением зарина в токийском метро в 1995 году. Ее организатором стала секта «Аум Синрикё», последователи которой были достаточно состоятельными и имели поддержку опытных ученых. Их цель — всегда переполненная людьми система метрополитена — идеально подходила для атаки. Погибло 12 человек.

Сравните это с числом умерших от ожирения, диабета, болезней сердца и других распространенных заболеваний, которые обычно не кажутся нам такими уж страшными. Ежегодно в среднем 36 тысяч американцев умирают от гриппа и сопутствующих ему осложнений. Ожирение становится причиной смерти почти 100 тысяч человек каждый год. По оценке Центра по контролю и профилактике заболеваний (США), «сотни тысяч» людей ежегодно умирают из-за отсутствия доступа к «услугам по профилактике заболеваний».

Все эти риски нельзя назвать новыми, очень сложными или малоизученными. Человечество добилось огромного прогресса с точки зрения заботы о здоровье, но можно сделать еще больше с помощью доказавших свою эффективность стратегий, затраты на реализацию которых окупятся сторицей. К сожалению, мы этого не делаем. Мы предпочитаем тратить огромные суммы на борьбу с терроризмом, хотя по любым оценкам этот риск на фоне риска заболеваний кажется таким же, как жук на фоне слона. В результате подобного нерационального распределения ресурсов мы теряем огромное число жизней.

Это пример того, что происходит при необъективной оценке риска. Последствия поистине смертельные.

Важно понять, почему мы так часто поддаемся заблуждениям. Почему мы боимся огромного числа незначительных рисков и равнодушны к действительно серьезным угрозам? Почему в нашем обществе сформировалась «культура страха»?

Частично потому, что мы сами в этом заинтересованы. Игра на человеческих страхах — отличный двигатель продаж. На страхе можно хорошо заработать. Это прекрасно известно многочисленным консультантам и компаниям, бизнес которых — защитить клиента от того, что он боится (что бы это ни было). Чем больше страх, тем лучше идут продажи. Поэтому компа-

нии, занимающиеся домашними сигнализациями, пугают пожилых людей и молодых мам, показывая в своих рекламах испуганных пожилых людей и молодых мам. Поэтому компании, разрабатывающие программное обеспечение, раздувают тему педофилов в интернет-пространстве, чтобы напугать родителей. Консультанты по безопасности пугают сценариями террористических атак, чтобы еще больше денег налогоплательщиков было спущено на обеспечение безопасности. Страх — фантастически эффективный маркетинговый инструмент. Именно поэтому и дня не проходит, чтобы мы не увидели его в действии, когда в очередной раз включаем телевизор или берем в руки газету.

Разумеется, частные компании и консультанты — не единственные торговцы страхом. Есть еще политики, которые пытаются заработать себе дивиденды на страхе: они называют своих оппонентов слабыми и некомпетентными и обещают избавить общество от любых угроз, если избиратели прислушаются к разуму и отдадут за них свои голоса на выборах. Еще есть чиновники, раздувающие бюджет. Ученые на госфинансировании, которым известно правило: «Нет проблемы — нет финансирования». А еще общественные активисты и некоммерческие организации, которые знают, что их влияние тем выше, чем чаще они появляются на страницах СМИ, а самый верный способ этого добиться — рассказывать страшные истории, на которые журналисты слетаются, как стервятники на труп.

Средства массовой информации тоже вносят свою лепту. Цель медиабизнеса — получение прибыли, а появление многочисленных новых игроков на информационном рынке означает ужесточение конкуренции за внимание читателей. Неизбежно и все чаще СМИ прибегают к эксплуатации страха, чтобы защитить свою сокращающуюся долю рынка. Предупреждение о смертельной угрозе — с заголовком «Вы не можете себе позволить это пропустить!» — отличный способ привлечь внимание читателей.

Однако это только часть объяснения. Как насчет серьезных угроз, на которые мы не обращаем должного внимания? Часто на борьбе с ними тоже можно заработать, но, кажется, это мало кого занимает. Надо признать, что СМИ периодически пытаются охладить панические настроения и успокоить иррациональные страхи, в то время как корпорации, общественные активисты и политики, наоборот, в своих интересах пытаются замалчивать серьезные угрозы. Такое произошло в начале 1990-х годов, когда британский премьер-министр попытался скрыть доказательства связи между губчатой энцефалопатией крупного рогатого скота и вариантной болезнью Крейтцфельдта — Якоба, диагностированной у людей. Связь присутствовала и была вполне реальной. Правительство утверждало обратное. Один из министров зашел настолько далеко, что собрал пресс-конференцию, на которой перед камерами и журналистами его четырехлетняя дочь съела гамбургер с котлетой из британской говядины.

Очевидно, что дело не только в личных интересах и маркетинге. Не стоит сбрасывать со счетов социокультурные особенности. Каких именно угроз мы

боимся, а какие отбрасываем как неважные, часто зависит от культурных ценностей, принятых в обществе. Наглядный пример — отношение к марихуане. Еще со времен чернокожих джаз-музыкантов эпохи Великой депрессии курение марихуаны ассоциируется с протестом и проявлением антикультуры. Сегодня, когда фанат хип-хопа надевает футболку с принтом листа известного всем растения, он не выражает таким образом свою любовь к садоводству, это проявление его культурной идентичности. Такой человек, скорее всего, будет отвергать любые утверждения о вреде курения марихуаны, объясняя их давней ненавистью к представителям его субкультуры. Верно и обратное. Для социальных консерваторов этот лист является символом анархического либерализма, который они презирают, и они склонны считать обоснованными любые подтверждения вреда курения марихуаны, игнорируя доказательства обратного.

Психологи называют это предвзятостью суждений. Оно свойственно каждому из нас. Как только убеждение сформировалось, мы начинаем «отфильтровывать» информацию, воспринимая только ту, что подтверждает наше убеждение. Кроме того, в психологии существует такое понятие, как «поляризация интересов группы». Это означает, что когда люди, разделяющие одинаковые убеждения, объединяются в группы, степень их уверенности в собственной правоте повышается, и они более активно отстаивают свои взгляды. Если рассмотреть предвзятость суждений, поляризацию интересов группы и социокультурные особенности в совокупности, мы начнем понимать, почему люди могут придерживаться разных мнений, какие угрозы считать реальными, а какие не стоят выеденного яйца.

Однако на этом роль психологии в понимании рисков и угроз не заканчивается. Настоящая стартовая точка для понимания, почему мы тревожимся или не тревожимся, — это головной мозг каждого человека.

Сорок лет назад ученым было крайне мало известно о механизмах восприятия риска человеком, механизмах оценки, чего бояться, что игнорировать, и о механизмах принятия решений, что делать. В 1960-х годах начались исследования этих вопросов, и благодаря удивительным открытиям ученых в последующие десятилетия получила развитие новая наука. Результаты затронули целый ряд самых разных областей. В 2002 году один из главных представителей этого научного направления Даниэль Канеман стал лауреатом Нобелевской премии по экономике, несмотря на то что исследования проводил как психолог, а не как экономист.

Психологи пришли к выводу, что головной мозг обладает не одной, как считалось с очень давних пор, а двумя системами мышления. Они назвали их Система 1 и Система 2. Древние греки, которые додумались до этой концепции намного раньше ученых, персонифицировали эти две системы в виде богов — Дионисия и Аполлона. Нам они больше известны как Чувства и Разум.

Система 2 — это Разум. Она работает медленно. Она анализирует доказательства. Она просчитывает и рассуждает. Когда решение принимает Разум, его легко сформулировать и объяснить.

[>>> Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Система 1 — это Чувства. Она работает совершенно иначе. В отличие от Разума она действует в подсознании со скоростью молнии. Чувства — источник моментальных суждений, которые мы принимаем за интуицию или эмоции, такие как неуверенность, тревога, страх. Решение, принятое под давлением Чувств, практически невозможно сформулировать словами. Нельзя объяснить, почему чувствуешь так или иначе, вы просто это знаете.

Система 1 работает так быстро, потому что она руководствуется универсальными правилами, проверенными на практике, и автоматическими настройками. Предположим, вы хотите прогуляться днем по центру Лос-Анджелеса. Первая ваша мысль: «Есть ли риск? Насколько это безопасно?» Мозг начинает искать примеры того, как другие люди подверглись нападению, были ограблены или убиты в похожих обстоятельствах. Если примеры находятся (хотя бы один), Система 1 включает тревожную сигнализацию: «Уровень риска высокий! Следует бояться!» И вы начинаете бояться. Фактически вы даже не знаете, чего именно вы боитесь, так как Система 1 действует на уровне подсознания. У вас просто возникает смутное ощущение опасности этой прогулки, и если вас попросят, вы вряд ли сможете рационально объяснить почему.

Система 1 применила универсальное правило: если примеры находятся легко, значит, это должно быть распространенным явлением. В психологии это называется эвристическим подходом.

Очевидно, что у Системы 1 есть и положительные, и отрицательные стороны. Ее достоинство в том, что простота универсальных правил позволяет ей оценивать ситуацию и выносить суждение практически моментально. Это именно то, что вам нужно, когда вы замечаете движение тени в глубине неосвещенной аллеи и у вас под рукой нет последней статистики преступлений. В то же время Система 1 не лишена недостатков, так как те же самые универсальные правила способны привести к нерациональным выводам.

Предположим, вы посмотрели вечерний выпуск новостей, в котором был репортаж о шокирующем нападении на простого прохожего (такого же, как вы) белым днем в тихом районе в Далласе. Возможно, вы живете не в этом городе и даже не в этом штате. Возможно, само преступление было необычным — как раз то, что любят показывать в вечерних новостях по всей стране. И, возможно, если вы задумаетесь — и задействуете Систему 2, — вы согласитесь, что конкретно этот пример ничего не говорит о вероятности совершения нападения на вас, которая, кстати, ничтожно мала. К сожалению, все это не имеет значения. Все, что знает Система 1, — это воспоминание легкодоступно. И этого достаточно, чтобы она сделала вывод о высоком уровне риска и активировала «тревожную сигнализацию». В результате вы испытаете тревогу и страх, хотя для них нет оснований.

Ученые обнаружили, что «правило примера» — одно из многих других правил и автоматических настроек, которые использует Система 1. Обычно они функционируют эффективно, но иногда случаются заминки, не поддающиеся логическому объяснению. Возьмем, к примеру, термины «один процент»

и «один из 100». Они обозначают одно и то же. При этом, как выяснил психолог Пол Словик, Система 1 заставит людей оценить риск как гораздо более высокий, если описать его как «один из 100», чем если сказать, что он составляет «один процент».

Причина в том, что Система 1 формировалась вовсе не в современном мире. На протяжении почти всей истории человеческого вида наши предки существовали небольшими общинами, выживавшими за счет охоты и собирательства. Именно в ту далекую и продолжительную пору происходило формирование и развитие Системы 1. С точки зрения тех исторических реалий Система 1 действует вполне эффективно.

Вот только сегодня мало кто из нас проводит время в погоне за антилопой или прячась ото льва. Мы живем в мире, который полностью изменили технологии, где уровень риска измеряется в микронах и частях на миллион. Мы получаем информацию из всех уголков планеты.

Представьте себе охотника каменного века, который однажды уснул под отблеск костра на своем стойбище, а утром, открыв глаза, обнаружил себя лежащим на тротуаре на Таймс-сквер. Это и есть Система 1 — изумленная, ошарашенная и пытающаяся понять, что происходит вокруг. Она будет учиться в самых разных обстоятельствах. Ошибки неизбежны.

Но настоящие проблемы начнутся тогда, когда этот доисторический путешественник во времени столкнется с торговцами страхом.